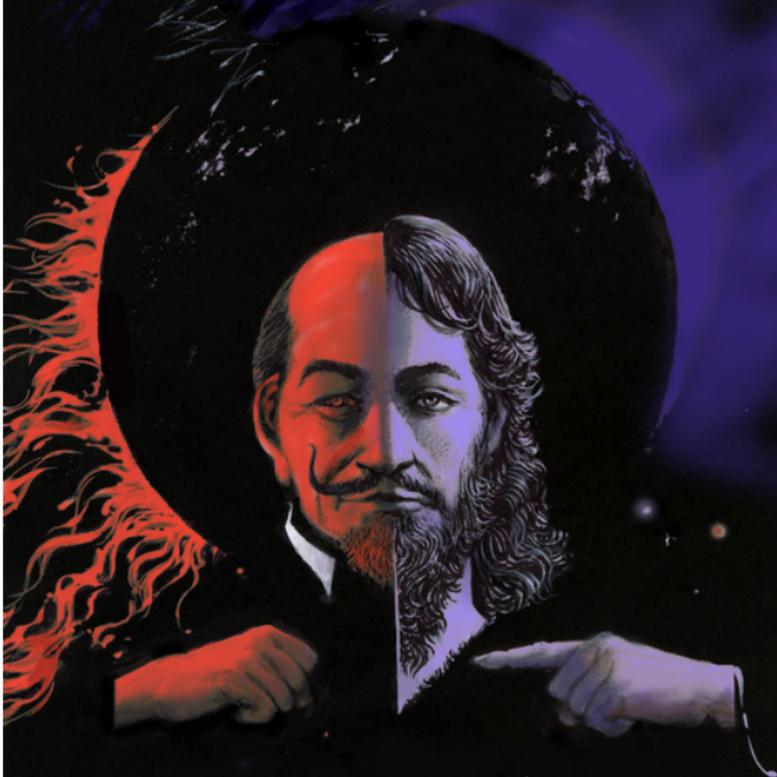

Вуктор Бахтин

ВЕТХУЎ
ЗАМЕС

Виктор Владимирович Бахтин

Ветхий Замес

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Виктор Бахтин: «В ноябре 1999 года я изменил рисованию, ибо случилось со мной литературное наваждение. Причиной тому оказалось простое любопытство. Меня давно поражало: как мои друзья, ученые люди, могут быть всерьез верующими? Сам стал изучать Библию и очень удивился, сначала тому, что в Ветхом Завете этапы эволюции описаны очень точно – в то время люди не могли знать этого.

Потом постигли и другие «открытия». Так возникли некоторые идеи, которые я начал было объяснять на бумаге моему другу, писателю Михаилу Успенскому, но увлекся сам и не смог остановиться. Бросил пить, есть, спать, рисовать. Отказался встретить новый, 2000 год, с друзьями, потому что НАДО было писать. Но к полуночи, на XXII главе Ветхого Завета, вдохновение как отрезало. С тех пор я не могу изменить там ни строчки, хотя пытался... Не моё это... А чьё? Судите сами.

В 2005 году «Ветхий Замес» получил литературную премию «Золотое перо Руси» в номинации «юмор». А ведь я был серьезен как никогда! Казалось, что поймал в темной комнате за хвост кусочек истины».

Содержание

Пролог	4
Ещё	5
Глава первая	7
Замес	11
Глава вторая	18
Субботник	19
Избранник	23
Адамтация	29
Товарищ	38
Небосмотр	49
Отщипенка	56
Назначенец	65
Лимита	69
Дрехопадение	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виктор Бахтин

Ветхий Замес

Пролог

Писать умеют все. Кто-то хорошо сказал: «Если можешь – не пиши». Я не смог. Потому что случай этот был особый. Я имел неосторожность начать и не смог остановиться. Доводилось мне быть и художником и, отчасти, изобретателем. Порою я переживал слабые приступы вдохновения и знаю, что это за беда.

На сей раз моя рука писала за меня, практически без поправок и безо всякого плана. Так что никаких мук творчества я не испытывал, о чем искренне не сожалею. Голова при этом не работала, я просто не успевал поест и пожалеть натруженную руку. Поэтому никакой этической ответственности за то, что натворил, я не несу. Не моё это. А чьё, благонамеренный читатель разберётся сам.

Ещё

Позвольте спросить. Вы никогда не были в четырёхмерном пространстве? Не торопитесь ответить «нет», поскольку вы в нём всегда находитесь, но никогда не ощущаете. Вам иногда и на трёхмерное-то сенсоров не хватает, особенно в состоянии некоего наркотического опьянения. Понятие «упиться в доску» исходит из убеждения потерпевшего, что он стал плоским и должен лежать на полу. И всякую попытку навязать ему гнусную трёхмерность рассматривает как грубое вмешательство в личную жизнь. Многие из сильноупотребляющих порою визуально ощущают множественность миров, как правило, два. К четырёхмерности это имеет слабое отношение, однако феномен довольно опасный. Если вы под основательным «шафе», никогда не пытайтесь пройти между двумя столбами, если даже вы можете поклясться своей женой, что их два. Как правило, меж ними есть ещё один, невидимый, но достаточно твердый, чтобы поколебать ваше доверие к глазам своим.

Знаете, что я люблю читать? Расписание автобусов в Швеции. Потому что чтение художественной литературы приводит к психическим заболеваниям. Одни безответственные авторы имеют скверную привычку сворачивать наше милое трёхмерное пространство. Другие – увлекаются временной ритмией. Следуешь, бывало, повествованию, следуешь...

следуешь... все как в патоке. И вдруг... БАЦ! Автор объявляет: прошло двадцать лет. Хошь верь, хошь не верь. Время сплюснулось. То ли в туалет сходить, то ль на Багамах развеяться от временного шока?

Не знаю, как вам, а мне, как доверчивому читателю, такие выкидоны даются непросто, вроде как будильник проглотить.

Как вы уже догадались, я честно хочу подготовить вас к временному шоку. Может, вам станет легче, если будете знать, что я страдаю от этих сбросов не менее вашего. А и то сказать, если бы литература не имела этого дреха, то книжки получались бы толщиной в три года.

Вот так литература связывает пространство со временем.

Оправдался? Знаю, что не очень. Ну да как умею.

Итак, дело было так давно, что лучше не спрашивайте... Земля была не образована и пуста, и Дух Божий носился над водами... Узнали? Это я вам для ориентира предлагаю точку отсчёта во времени. Надеюсь, теперь вы готовы перенестись на 00000000 земных лет назад, туда, где единственное, что было, – это Слово. И Слово было у Бога и Слово было Бог. И имя у него было Савваоф. Но об этом никто не знал.

Потому что было некому.

Глава первая

Вы можете не читать эту главу, потому что она скушная и наукообразная, а начать сразу со второй. Просто хочу предупредить, что в этом случае вы кое-что недопоймёте... Как недопоняло это большинство исследователей Книгии. И робкие, а иногда и агрессивные попытки её истолкования привели к печальным последствиям, которые по сей день мы пытаемся расхлебать. Скорбно, без аппетита, но с последней надеждой найти Истину...

Пробовали ли вы когда-нибудь медитировать? Попробуйте! Надо только всё выключить и по-хорошему забыться. Не путать со скотским сном; Медитация – это особо возвышенная форма бодрствования... это... как рассол поутру... эдакое... божественное блаженство...

Савваоф медитировал в изящных измерениях гармонии Соответствий. Дух Его перемещался, и Разум Его впитывал флюиды перемен. Он наслаждался вечной сладостью благословенного безделия и думал: «Вот предположим, что я движущаяся в пространстве точка и сейчас нахожусь в определённой точке этого пространства. И в этот же самый момент... уже не нахожусь в ней, поскольку Я не прерывал движения. Что-то здесь не укладывается в законы Соответствий! Не может одно противоречить друг другу. Нонсенс? Может быть, точка эта так бесконечно мала, что её нет, и она

– лишь абстрактная, никому не нужная «псевдовеличина» в структуре Моего Разума». И Ему очень хотелось посмотреть на эту несуществующую точку. Создать её, наконец. И тут Он решил прервать медитацию и попробовать. Воля Его была способна концентрировать огромные энергии. И Он сосредоточился, чтобы сжать их в точку.

Давайте оставим Его заниматься энергетической гимнастикой для того, чтобы узнать, что такое Гармония Соответствий. Эта была многоуровневая комбинация эфирных пространств, где не было противоречий. Там не было тьмы и света, твёрдого и мягкого, горячего и холодного, плюсов и минусов. Ничто там не притягивалось и не отталкивалось, а было серым разреженным эфиром без запаха, как туман в турецкой бане.

Люди до сих пор гадают: была ли наша вселенная всегда, или её разом создал Некто? Ни то и ни другое, и не всегда и не разом. Истина в том, что она была создана вневременной Духовной Субстанцией по ошибке, из-за внезапно удавшейся попытки реализовать парадоксальную идею, получившую неожиданное развитие.

Теперь уже нашлось много свидетельств, что Созидание началось с разрушения. Дело в том, что Савваоф так увлёкся сжатием энергии, что продавил подпространственную мембрану и провалился в трёхмерное пространство, где немислимая та энергия высвободилась в виде огромнейшего ВЗРЫВА. Это, знаете, как зонтик вдруг от ветра выворачивается.

вает наизнанку. Эфир частично разрядился из-за того, что частично спёкся в элементарные частицы, которые, летя с жуткой скоростью, превращались в излучение, освещавшее грандиозную картину разлетающейся материи... И увидел Бог, что не стоит жалеть о развороченном эфире, ибо Свет – это хорошо!..

Савваофу всегда поначалу нравилось то, что Он натворил. Он с удовольствием рассматривал чудеса преобразований, порождённых Его неосторожностью. Элементарные частицы обладали массой. Они забавно взаимодействовали, то притягиваясь друг к другу, то с отвращением отталкивались, образуя причудливые атомы и молекулы веществ, которые тоже вели себя по-разному, любили одних соседей и скандалили с другими. Взрыв образовал множество кольцевых вихрей из гигантских скоплений материи, которая продолжала самоформироваться, как ртутные шарики на столе. Это был титанический гравитационный Перерездел. Некоторые участки, перебрав материи, образовывали чёрные и белые дыры, по-большому разделяющие пространство на сферы влияния. Законченной формой установившихся балансов были сферы; одни ярко сияли, безудержно деля свои атомные ядра, другие остывали, найдя прибежище.

И у всего этого великолепия не было свидетелей, кроме Савваофа. И Он сотворил семидесятипроцентную копию своей духовной субстанции. Теперь они могли любоваться вдвоём, и существовать стало веселей. Савваоф нарёк

ему имя Искупилов, что на телепатическом значило «Сотворенный для Мира».

Однако возникавшие вопросы не решались в обсуждении, ибо образ мыслей Отца и Сына был подобен, и Искупилов всегда соглашался со мнением Отче. Посему другой экземпляр был создан тоже семидесятипятипроцентным, но со склонностью к противоречию, и был назван Сатанеев, что значило «Воспротивляющийся». Стало ещё веселей. Но недолго они соображали на троих, ибо увидел Бог, что это хорошо, и создал многих.

Замес

И воссиял Бог идеей – создать усилиями всех новую форму жизненной гармонии, основанную на противоречиях и саморазвивающуюся.

И нашли они место в спиральной галактике, где была солнечная система (каких много), но с замечательной голубой планетой, покрытой сжиженной смесью кислорода с водородом и с «сухой горбушкой» с одной стороны. Когда планета подставлялась солнцу мокрым боком, она парила, образуя хилую атмосферу из разных газов, что почти соответствовало замыслу Создателя произвести здесь новую форму жизни. И нашёлся сообразительный среди них по имени Хапполоне (Чувствительный), кто предложил, как изменить немного орбиту, используя соседнюю планетку, чтобы температурный режим не испытывал больших колебаний.

И был День и было Утро. Пусть вас не смущает слово «день». Тогда не было понедельников и пятниц, а были Кембрий, Мезозой и т. д. А «утро» означало начало новой Программы. Так на Земле после разделения суши на континенты (чтобы стало равномерней) создались все условия для органической жизни.

Сколько умных мозгов свихнулось на ниве устроенного позже расследования: как зародилась жизнь на Земле? Те из учёных, кто предпочитает вариться в «питательном бульоне»

идеи самозарождения, обижаются на матыммахтиков, которые насчитали, что вероятность случайного появления простейшей белковой молекулы равна 1×10 в 113 степени, что несколько превышает количество атомов во вселенной и поэтому выглядит маловероятной.

Сам Создатель, отвечая на коварный детский вопрос любознательного Авеля, как-то сказал: «Все разговоры о самозарождении не стоят того выеденного яйца, которое вылупилось раньше сдохшей курицы. Не бери в голову. Всё происходило одновременно и в развитии». Абель ничего не понял, но спрашивать перестал.

Нерасщелкнутой загадкой остается и та: почему из существующей сотни аминокислот только двадцать участвуют в образовании белка, и все имеют левую структуру. Я знаю. Только никому не говорите!.. (Создатель был левша.)

Тем временем «могучая кучка» светлых голов в Наднебесье понаделала устройств, которые не были умней их, потому как не были способны генерировать идеи, зато могли просчитывать несчётное количество вариантов задачи, если она правильно поставлена.

Первые живые клетки были смоделированы здесь. Они самовоспроизводились очень просто. Клетка росла от середины, обмениваясь со средой и черпая энергию от светила. Надо отдать должное ясномыслящему Хлорофиллу, которому пришла идея фотосинтеза. Устав обмениваться, клетка в середине умирала, оставив в живых два здоровых конца, ко-

торые продолжали существовать раздельно, пока серединка их не давала дуба. И всё возвращалось на круги своя, пока да светило оставалось на своих кругах. А свободный кислород, ставший результатом этой идеи, подготовил следующий День, к которому планета была покрыта зеленью и все радовались.

Хапполоне усиленно работал над чёткой цикличностью световых периодов; чтобы зелень знала, когда проклонуться, когда взреть, отсемениться и умереть в молекулярный прах для нового поколения. По замыслу Создателя, за оборот вокруг дневного светила ночное должно было обновиться двенадцать раз. А для смены сезонов Он наклонил ось вращения планеты. Когда же Хапполоне начиркал в кислороде молниями и сделал озоновый барьер, атмосфера прояснилась, и открытое Солнце уже не убивало. За это он получил свою первую публичную Благодарность с занесением в душу.

И был Вечер четвёртого периода Творения, и Создатель был доволен, и было Утро пятого.

А в небесной лаборатории умники уже спроектировали «скачок» в Эволюции. На базе имеющихся растений Искупилов моделировал возможность перехода к животным формам через травку-росянку, подкармливая её сгущенной амброзией в виде невиданных крылатых шестиногих существ, выданных компьютером, как возможный вариант развития живых тварей. А Сатанеев, с помощью талантливого океа-

нолога Гидрофилла (Водолюба), быстро преуспел в создании модели бактерий, питающихся планктоном с тенденцией перехода на чисто белковую пищу и уже имел готовые галло-экземпляры. Поэтому его проект был благославлен, и жизнь начала бить ключом. Бактерии жрали зеленявок и многообразились, и росли, и усложнялись. Некоторые из них научились охранять потомство и драться с конкурентами за выживание, продолжая расти в размерах и отращивая орудия борьбы и передвижения, как то: лапы, плавники, щупальца и хвосты. Когда же им оказалось тесно, стали все чаще высовывать головы из воды и приспособились дышать воздушной смесью. Кто-то укрепил ноги и бегал по суше, а кто, прыгая, отращивал перья, чтобы прыгать далеко-далеко. И стало их, разностных, превеликое множество: бегающих, прыгающих, ползающих, летающих.

И поели они почти все зеленявки в воде и на суше, и стали задыхаться, и Хлорофилл жаловался Создателю. Тогда Сатанеев всех удивил Революционной идеей. Он давно уже, негласно, взял себе одного травоядного динозаврика и вместе с Волобуевым (Искушённым) они поколдовали над генетическим кодом пресмыкающегося, в результате чего у того выросли острые зубки и рожки. Говорил им тогда Искупилов: не делайте тайного, ибо станет явным, и Отче заругается. Сатанеев спрашивал: «А ты наябедничаешь на брата своего?» Искупилов не был фискалом, но на душе его было беспокойно: вредной душою был его резвый братишка, и чу-

ял он, что когда-нибудь они столкнутся на узкой дорожке.

К рогатому пресмыкающемуся Сатанеев добавил две существенные вещи: мозговых клеток и агрессивности. И взял он других разных динозавриков, даже больших, и запустил к ним своего мутанта и не кормил. В одну ночь подопечный пошевелил голодными мозгами и от досады проглотил небольшого ближнего своего. Неприятно ему было, морщился он, но проглотил, и наутро мучился расстройством желудка, что, впрочем, не остановило его от дальнейшего сокращения числа голодающих. Стул постепенно налаживался. К концу недели рогоносец забодал всех и урчал, требуя компании.

Счастливый Сатанеев, заодно с Волобуевым, получили по выговору за нелегальный произвол. Но голодный динозаврик был-таки выпущен на планету произвести некоторые «естественные» сокращения. Обретя свободу, жертва хромосомного произвола оглянулся, хищно сверкнув глазками, подумал: «Всех убью – один останусь», – и размеренной рысью подался в сторону ближайшего стада мирных бородавчатых яйцёмётов.

Конь Эволюции заскакал по планете, пришпоренный нововведением. Время едва поспевало за ним. Зелёный купол планеты восстановился. И увидел Бог, что это хорошо.

Когда дела шли нормально, Он доверял контроль за развивающимся миром своему многочисленному штату и уходил в медитацию, иногда задерживаясь там на тысячелетия.

Однажды, по возвращении из отсутствия, с бодрым Духом и полный суперэнергии, Он врубил галлоэкрэн для просмотра Эволюционных успехов. И вошёл во гнев. И было отчего: число видов сократилось втрое. А те, что уцелели от естественного отбора, превратились в чудовищные машины для убийства с огромными зубами и рогами.

– Массаракш! – бушевал Создатель. – Что за монстров вы мне тут понаплодили?! Куда девались мои любимые цветелизы и грушетрясы? Всех уволю! Души повынимаю!

Штат схоронился в облаках, уворачиваясь от молний, ибо какая душа любит вынимание?.. Облака мелко тряслись и из них капало. А громы продолжались:

– Где Швиллипок? Выдь пред очи!.. Да не трясись ты! Будет тебе задание...

Швиллипок (Чистюля) был Мусорщиком и имел награду Третьего дня за спасение Программы от дурного астероида, нёсшегося в солнечную систему с разрушительной целью. Чистюля имел талант душою чувствовать, где и когда нужно какую силу употребить, чтобы смутить небесных скитальцев с рокового пути. После внедрения озонового слоя мелкие и даже значительные метеоры безвредно сгорали в атмосфере, и Швиллипок был без работы.

Ныне же Отче предложил ему заняться «чисткой Программы» от монстров. Почётный Мусорщик с Божьего благословения взял себе сотню помощников. Они оседлали один из крупных астероидов, невинно пролетающий мимо, и,

невзирая на слабые протесты со стороны разных подотделов, направили его прямо на Землю.

Эффект оказался убийственным: планета покрылась чёрным облаком, оседавшим медленно, и сделался хлад великий, в котором динозавры (за малым исключением) прекратили безобразничать и вымерли.

Как и планировалось, за период холодной чистки выжили теплокровные сиськососушие, которым добрым доктором Мазохом (Терпеливым) была создана гормональная приставка через общую Программу, что сексуально ускорило их эволюцию и подготовило Утро Шестого дня.

И был день Шестой. И произрастали травы, на которых паслись газели Томпсона. И лев ел газелей, облизывался со львицей, потом погибал в благородном поединке с удачливым соперником, с помощью бактерий превращаясь в прах молекул, который давал пищу травам, на которых паслись газели Томпсона... И всё возвращалось на круги своя...

А неисправимый Сатанеев опять зачем-то тайком пленил пару высших приматов, научившихся пользоваться орудиями труда и борьбы. А что он с ними в своей Алхимичке творил – одному Богу станет известно в следующей главе.

А вам я по секрету скажу, что в душе у Воспротивляющегося неуёмно роились безбожные планы, и он, с дальнобойным коварством злоупотребив спецдопуском к Центральной Программе, добавил в чипы обезьяноподобного «венца Эволюции» один миллион мозговых резервных клеток.

Глава вторая

Эйфория первых Дней Творения имела волнообразный характер. Идея Саморазвития оказалась девкой капризной и малопредсказуемой, требующей постоянного вмешательства. Когда в Книгии вам попадается скупая фраза: «И увидел Бог, что это хорошо», знайте: почти всякий раз за ней спрятан пышный букет неупомянутых эмоций Создателя – от высокого восторга до горького отвращения, с оргвыводами, стирающими из Программы целые тенденции и направления.

Субботник

Законы творчества едины.

Так иной писатель, с лёгкостью паря на крыльях музыки, откатывает сотню страниц за день, не уставая удивляться своему гению. А наутро, по прочтении, видя, что слова пожухли, мысли облетели, а чувства увяли, понимает, что муза была фальшивой, и утешается вином, ожидая следующей волны вдохновения.

Создатель не любил разочарования. Он любил гармонию, иногда изменяя ей с простой стабильностью. Вот ради этой скромной стабильности, за то, что она дарила Ему чувство неизменности, Он и решил построить храм, куда бы собиралось всё лучшее с Земли Себе на Славу.

Вседержителю отрадно было созидать, но отрадней же было созерцание содеянного. Уединившись, Он любил рассматривать Своё трудное дитя – голубую планету, загадочно вращающуюся в тёмном эфире.

Перед взором Всевидящего медленно проплывали горы, доли, реки... Он искал место. И нашёл его. И сказал: «Да будет здесь Райский Сад». И стало так.

Так, просто и незаметно было основано Образцовое хозяйство «ГаллоЕдем», куда усилиями аплодиторов потекли образцы фауны и флоры ото всей Земли. Там львы мирно соседствовали с агнцами, а лианы не душили деревья, и зима

не убивала лето.

Потому что все были – невсамделишные.

В процессе галлограммирования у всех обитателей ГаллоЕдема все влечения и эмоции заменялись простым и непреходящим чувством блаженства, напоминающего лёгкую щекотку.

Это затем, чтобы твари чувствовали себя здесь комфортно, но не размножались, а существовали вечно и неизменно, тем самым фиксируя достижения Эволюции животного и растительного мира голубой планеты через каждые десять тысяч земных лет. Согласно Музейному плану Создателя, планета впоследствии должна была покрыться сетью образцовых хозяйств галлоедемского типа, отличаемых поэпохно.

Однако мудреваны из ГОЭЛРОна насчитали, что такая перекачка квазиэнергии из гармонии Соответствий в гармонию Противоположностей может привести к гармональной катастрофе. Создатель был взбешён (как это обычно случилось, когда к нему приставали с корректировкой Плана) и метал в них громы, на что те выпустили протонное облако и отсиделись, покуда Высочайший гнев не остыл и, тем самым, отстояли свою точку зрения. Таким образом, ГаллоЕдем являлся уникальным музеем, чьи ресурсы позволяли спорадически добавлять туда особо выдающиеся эволюционные достижения.

Было создано Контрольно-исполнительное Ведомство, состоящее из аплодиторов и возглавляемое Архипархом Де-

далом. Для удобства перемещения в атмосфере они были оснащены крыльями наподобие птичьих, что развязало им руки. Правда, при использовании крыльев они должны были материализоваться в зримой или незримой форме. Собственный же облик аплодиторы могли менять в зависимости от эпохи. Однако для удобства руководства Устав предписывал принимать униформный вид. Униформным считался земной вид *homo sapiens*, поскольку, согласно последним замерам, количество информационных клеток в их головном мозгу значилось рекордным в Книге Пинеса. Обладатели мозга использовали его всего на три процента, что являлось эволюционной аномалией и, будучи феноменом, ждало своего объяснения.

Ко внешности вечно мелькавших человекообразных аплодиторов как-то привыкли, и некоторые Надведущие подотделами также стали визуализироваться во время совещаний. И увидели все, что это хорошо.

Создатель вначале ворчал и называл это «бардаком», но затем и Сам выбрал себе благогрозную наружность кроманьонского вождя племени Зум-Зум. Правда, счёл нужным внести некоторые исправления. Как то: добавил себе лба и вынул павлинью косточку из носа. К тому же пришлось восстановить правый большой палец, откушенный мамонтом.

Вкус и фантазии подчинённых Он ограничил двумя заветами: только самцы и в одежде, скроенной по образцу и подобию божеской. А там хоть лысину, хоть брови отращивай,

хоть зуб золотой.

Влияние земной красоты на сотрудников Отдела было заметно и росло. Ведомо было Всезрящему, что представители высшего звена в руководстве состязались, у кого лучше персональный рекреационный сад с райскими птицами из контрабандных галлограмм. Господь смотрел на злоупотребления сквозь Свои удлинённые для красоты пальцы и расценивал это как тайное (в добавление к явному) подражание Ему. Ведь и Он Сам частенько, утомившись, отводил Дух в покойной роскоши ГаллоЕдема. Господь любил поклонение и подражание. Но заметив как-то, что Архипарх, Волобуев и Эргомудр, не сговариваясь, но одновременно в точности скопировали Его внешность, впенял им за перебор в подхалимстве. «Аз Един Таковой Есмь!» – сказал Неподражаемый и, отозвав в сторону враз изменившегося Архипарха, поручил ему организовать отравление Зум-Зумского вождя мухоморами.

Избранник

Звуки отпетого гимна погасли в шумопогасителях. Сферическая световая волна зелёного цвета, отделившись от шарообразного стола, осветила внутренние грани центрального Октаэдра, означая, что совещание открыто. Опытные чиновники Высшего исполнительного состава, заметив бледные разряды, бегающие по хитону Вседержителя, закорёжились, гадая, кому же сейчас всыплют.

– Внемлите! – молвил Создатель. – За последние две тысячи лет сбор образцов для Музея замедлился. В то же время инвентаризация уже имеющегося идёт из рук вон плохо. За это Архипарх с Мудревичем будут наказаны отлучением от нектара сроком на двадцать земных лет. Прошу, милейшие, пропуска на стол!

Означенные, под одобрительные взгляды коллег, пыхтя от досады, с ритуальным «Слава Богу» исполнили приказ. У Архипарха левое ухо покраснело.

– Вот так-то... Второе... Сатанеев!

Тот вздрогнул, а все притихли: распечка главных заместителей в присутствии других была делом редкостным. Отче продолжал:

– Нами выяснено, неважно через кого (у Архипарха покраснело и правое ухо), что в эволюционный процесс была сделана *программная интервенция*. И именно в тот вид, ко-

торый мы с вами приняли на себя и которому дивились за могучий информационный потенциал. Сделал это... вышеупомянутый Сатанеев!.. Будете отпираться?

– Помилуй, Боже, за что винишь? Сам же сетовал, что Эволюция идёт медленно и даже посоветовал мне (на всякий случай) поразмыслить над альтернативой. Трудясь, аки пчела, я разработал теорию и тактику Революции. Но, по известным причинам, не хотел публиковать это до необходимости. Ни для кого не секрет, что чем дальше, тем шибче виды проявляют склонность занимать экологические ниши и прекращать развитие. Может, кто-то, вроде Искупилова, и считает это за благо, а я говорю, что это – тупик! Вот я и решил попробовать на самой сообразительной обезьяне. Вот и всё. Они надёжно заблокированы: как только начинают думать, натываются на парадоксы и тут же переключаются на позвоночник. Ничего опасного. Да, Господи, Ты же, чуть что, можешь враз стереть их с лица, только захоти...

От такого объяснения Вседержитель явственно шёл на полегчание.

– Ну и мастер же ты, Сатанеев, мозги компостировать! Затея твоя, поелику со Мной не согласована, очевидно, выпадает из Русла. И всё же во всей этой ереси рациональное зерно имеется. Я и Сам об этом подумывал... Возвращаясь к нашим овечкам... Ты, Сатанеев, знать должен, что повинен ты в сокрытии от Меня достижения, подвергнув испытанию Мою репутацию Всеведающего и косвенно выставив

Меня контрреволюционером. Посему заслужил устного выговора без занесения в душу... Всем, кроме Сатанеева, закрыть уши!

В воцарившейся мертвой тишине Господь заорал:

–.....ц!!! ... Дозволяю открыть уши.

Все послушно выполнили. Кроме Завхранителя использованных чипов Фьюнеровича.

– Так! Значит, подслушивали? Повторить для всех?

Умоляющий вопль присутствующих заставил Грозного заткнуть уши.

– Массаракш! С кем работаю! Сатанеев, имеете что добавить?

– Разумеется, Отче. Не вини меня за сокрытие. Оттого я не открывался, что уверен был: Ты и так знаешь. И тот красноухий (у Архипарха покраснела ещё и шея), кто рылся в моих архивах, он что накопал? А то, что я имел мечтой разделить со всеми именно сегодня. То есть: взять из чиповеков *одного избранного*, добавить ума и бросить на учёт в Галло-Едем.

Кто-то нервный заплодировал было, но под усталым взглядом Создателя скис. Отче поёрзал в прилипшем от разрядов хитоне. Наконец изрёк:

– Решено. Новый проект предлагаю поименовать Ускорением. Указать кандидатуру Избранника поручается Волобуеву. Техническое исполнение возлагаю на Красноухова. Тьфу!.. с вами оговоришься... как его бишь?.. Архипарха.

Завтра же чтобы экземпляр был в ГаллоЕдеме. Будем посмотреть. Аминь.

* * *

Рослый экземпляр троглодита кроманьонского типа жался в угол временной ограды, позвоночником чувствуя, что сейчас съедят. Может, даже без соли. И он мучительно напрягал свои трёхпроцентные мозги – как бы сбежать? Двое аплодиторов, доставивших избранника, спокойно покуривали фемиям, зная, что никуда дикарю отсюда не деться. Известно, что у настоящих мужчин опасность обостряет мозговую деятельность. Мозги пленника шевелились, и из них выходило нечто простое и безотрадное: «Нелюди. Пленили обманом. Эти просто не съедят, а надругаются. А может, чё похуже». Бу-Ба (так звали дикаря) не был из трусливой шестёрки, но перед лицом непонятого противника явно пасовал.

Создатель появился как всегда внезапно, в своём привычном светлом хитоне неопределённого цвета и с дыркой. Экземпляр, совсем от этого обалдевший, затрепетал на своих враз ослабевших ногах, прислонился к стенке и безвольно пёрнул.

Савваоф, поморщившись, приступил к собеседованию:
– Эй, патлатый... слушай сюда! Не надо приседать, просто слушай. А... да ты же языком не владеешь... Искупилов,

будьте любезны врубить латинский... Благодарю... Ну как? Теперь понимаешь?

– Да! – рявкнул дикарь и от неожиданности заткнул себе рот кулаком.

– Ладно, можешь не отвечать. Говорить буду Я.

Тут Создатель замялся, глянул куда-то вверх и вежливо изрек:

– Искупилов, голубчик, Я полагаю, что для диалога стоило бы повысить уровень использования его мозга до десяти процентов.

– Исполнено, Отче.

– Так-с... Ну, начнём с того, что отныне ты не троглодит, а разумный чиповек и Я даю тебе имя Адам. Понял?

– Угу.

– Вот и хорошо, повтори-ка свое имя.

– Агдам...

– Ну, для первого раза неплохо. Ничего, обвыкнешься. А пока же внимай. М... м... м... В сущности, ты скотина. Но нам подходишь. Поэтому Я сделаю из тебя Начальника. Жить будешь тут, служить будешь Счётчиком, по совмещению и Называлой. Харчевание – Трын-травой. Все тут едят только её и не жалуются. И забудь старые замашки. Как то: ежей душить, петухов потрошить. Строгое вегетарианство. Понял?

– Угу! А что, и таракана тоже нельзя?

– Молодец, мозги заработали. Так вот. Никого нельзя! За-

руби это себе на носу.

Адам начал было исполнительно озираться в поисках острого предмета, что было пресечено с объяснением, дескать, десятипроцентный homo sapiens не должен воспринимать всё буквально.

– Если будешь себя хорошо вести – дадим тебе бабу. Что ещё? А... вспомнил... Жить будешь вечно. Или пока не надоест. Соскучишься – попроси Фьюнеровича, он враз де-структурирует. Как там говаривает Сатанеев? «Незаменимых нету». И также знай, что Я – причина Всего и создал тебя, дурня, из атомов и могу сделать с тобой всё, что хочу... Теперь проверим, как соображаешь. Вот скажи Мне, кто Я такой?

– Однако, самый большой Скотина тут...

Адамтация

Не думайте, что в гармонии Соответствий ничто не возникало из ничего и не пропадало бесследно. Ещё как возникало и пропадало.

Например, пропал доктор-сенсолог Мазох, Надуправляющий подотделом ТрансЧувствительности. И через короткое время его ученик и приемник доктор Тык исчез в разгар разработки своего Метода.

Обстоятельства исчезновения обоих были столь загадочны, что это порождало сплетни и пересуды. Возник слух, что исповедуя мазохизм, доктор Тык героически пробовал все методы сначала на себе. Все знали, что он спал на досках с гвоздями и весь, как ёжик, утыканный акупунктурными иглами. Гадали, что он нашёл такую комбинацию игл, которая привела неустанного экспериментатора к мгновенной нейтрагуляции в одной из белых дыр Межпространства. Ибо доска была на месте, иголки бессистемно рассыпаны, а вместо доктора было мокрое место, не поддающееся химическому анализу. Поскольку по картотеке Фьюнеровича оба отважных учёных не числились ни в живых, ни в деструктурантах, дело за истечением срока древности было закрыто как неоткрытое.

Младший сотрудник подотдела, хемасорбист Волобуев, выразил желание взять бремя руководства загадочным под-

разделением на себя, и некоторые восхищались его смелостью. В подчинение ему добровольцев не нашлось, да он их и не просил. Иногда ему «навязывали» помощников из проштрафившихся аплодаторов, но он всяко содействовал скорому избавлению от них «за примерное поведение».

Волобуев успешно завершил работу предшественников, создав систему Всеобщей анестезии ГаллоЕдема и курировал подгонку чувствительности в Карантинный день. Всем известно, что карантин – это неприятность, умноженная на необходимость.

Карантинный день был обязателен для всякой новой твари в ГаллоЕдеме, ибо Создатель хотел иметь не «мёртвое царство» галло-чучел, а слегка живое. Для этой цели пару отборных образцов земных тварей, находящихся на пике жизненных сил, помещали под невидимый колпак и держали до полной адаптации к здешней жизни через стерилизацию чувств и нейтрализацию инстинктов. Нормативная величина болевой чувствительности должна была составлять лишь полпроцента от исходной. Это чтобы, к примеру, черепаха могла почувствовать, что на неё наступил слон и вовремя завизжать. Визг предупреждал слона, чтобы он обратил внимание на неправильный выбор своего поведения.

После немудрящих тестов колпак снимали, и новообращенные вливались в пестрый коллектив ЗооКоллекции, напоминая сонное царство.

С некоторыми подинстинктами справиться было нелегко.

Так, программисты до сих пор ломают головы над точной локализацией стадного подинстинкта. Его удавалось пригасить, но полная ликвидация оказалась твёрдым орешком.

Возьмём стайных птиц. Как только в центральном вольере их оказалось больше одной пары, они начали стихийно объединяться. И в данное время мы имеем огромную уникальную стаю птиц разных видов, совершающую неопределённые миграции на территории хозяйства.

На основе этого явления инкстинктолог-общественник Мудревич разработал теорию Программной коллективизации. На последнем заседании Учёной коллегии он потребовал перевести стадный подинстинкт в разряд Суперинстинктов и ежедневно надоедал Создателю с просьбами о расширении штата подотдела.

Мощности Всеобщей анестезии Опытного хозяйства перекрывали все возможные запросы. Её избыток никому не вредил. Поэтому точная подгонка всякого нового экспоната на уровень полпроцента производилась индивидуально. Для этого и употреблялись вышеописанные тестовые приборы, большие и маленькие. Метод Тыка осуществлялся Волобуевым дистанционно из манипуляторной. Хоть анестезия и действовала исходно, регулировка для новобранцев была процедурой неприятною.

Волобуев всегда делал это сам, в нагрузку к руководящим обязанностям. Поначалу Создатель обрадовался, что на такую чёрную работу нашёлся доброволец, но позднее Ему ста-

ло казаться, что это Волобуеву просто нравится...

Правое веко Адама до сих пор начинает предательски дёргаться всякий раз при воспоминании о том кошмарном дне, когда он дико метался по своей безрешёточной камере, пытаясь спастись от невидимых игольных уколов во все мыслимые и немыслимые места своего несчастного организма.

Болезненность постепенно спадала, но казалось, что этому кошмару конца не будет. В какой-то момент Адам вдруг сообразил, что единственный путь прекратить пытку – притвориться, что боли не чувствуешь. Как опоссум, прикидывающийся дохляком. Бу-Ба собрал всё своё мужество и сел... И правда: вскоре уколы прекратились, и мученик, наконец, смог тяжело забыться, лишь изредка вздрагивая и лопоча что-то бессвязное...

Ясная ГаллоЕдемская ночь принесла чиповеку покой и глубокую анестезию. Такую глубокую, что он даже не проснулся, когда неподалеку, в густом папоротнике, тревожно взвизгнула черепаха...

Колпак сняли, и Адам обрёл свободу ног. Бу-Ба с любопытством разглядывал диковинных птиц и зверей, на всякий случай обходя их подальше. Аплодиторы всегда присутствовали в пределах видимости. «Пасут, сволочи!», – серчал Бу-Ба.

И ещё были пришельцы, коих Адам сначала шарахался, но вскоре опасаться перестал. Являлись группами и по одному. Иногда переговаривались, показывали пальцами и обид-

но смеялись. Адам понял, что он стал болезненно чувствителен к словам. Чаще всего от пришельцев слышалось непонятное слово, которое он сразу же невзлюбил – «придурак». Сказал же Начальник, что имя моё – Агдам? Так зачем новые придумывать?

Однако ничего, кроме этого, дурного от посетителей не было. Иные вообще молча постоят, поглазеют... Потом фьюить! – и нету. Такие дела...

Все в ГаллоЕдеме для новонарёченного Адама было обескураживающим.

Во-первых, формальная утрата его былого, наводившего страх на врагов имени – Бу-Ба. Смена такого имени на *Агдам* могло сравниться разве что с репутацией несемяспособного.

Во-вторых, ошарашивающим было то, что в этом охотничьем уголье никто не намеревался его съесть или смять для Потехирада. (Это был такой злой Дух, который требовал мятых жертв.) Даже кабан, на которого Бу-Ба по задумчивости наступил, лишь снисходительно хрюкнул. «Куда это я попал?» – тосковал троглодит, мозгами чуя, что всё это – всерьёз и надолго.

Трын-трава по вкусу напоминала гу-ру: не погано, но и удовольствие слабое. Признаться, она мгновенно прибавляла сил. Но это не радовало, поскольку девать их было некуда.

Использовать новые мозги Бу-Ба остерегался. Оне норовили так закрутить простую даже мысль, что из неё потом было не выпутаться, и это навевало неведомое ранее чувство

пессимизма. Мысли эти отказались поддерживать и затухающие попытки спинного мозга стимулировать побег. Последним мятежным испытанием для мятущегося Адама стала невинная овца. Оглядевшись, нет ли пернатых, Бу-Ба вцепился зубами ей в ляжку и в отпаде ощутил тошнотворное отсутствие вкуса. «Липовая!» – мелькнуло в десятипроцентном. Со страшной догадкой он от души укусил себя за локоть. И почти не ощутил боли. «Я тоже липовый! – похолодел он. – Повязали суки... и... и... – тут он в первый раз не по-троглодитски всплакнул, жалея себя нещадно.

Посредством обретения нескольких ноющих шишек Бу-Ба убедился в двух вещах.

Первое. Что, при известной настойчивости, болевые ощущения восстанавливаются.

Второе. Что райский оазис окружён твердью невидимого свойства.

Сидя на термитнике, он шлифовал плоский камешек, обдумывая план подкопа, когда чуткий нос его (такой не притупишь!) уловил неладное. Это был запах ванилина. По опыту Бу-Ба знал, что обычно появление посланников из Наднебесья сопровождалось звуком, подобным лопнувшей тонкой струне, и слабым запахом ванилина. А тут – ни звука. Значит, пришелец здесь давно и подкрался со злым умыслом. Бу-Ба быстро глянул по сторонам и... верхняя челюсть у него приподнялась: прямо перед ним покачивалась в воздухе голова без туловища и отдельно две руки с какой-то

верёвочкой. Бу-Ба молниеносно принял позу «распятый кабан», зажав в ладони камень.

– Прошу прощения, молодой чиповек, – произнесло неизвестное Лицо. – Я не думал вас потревожить, но, раз уж так случилось... Я – Пинес, Надведающий Статистическим отделом. Пусть вас не смущает мой вид. Так мне удобней работать... Мне надо сделать несколько необходимых замеров. Так уж не обессудьте... минуточку...

Неизвестное Лицо переместилось за Адама и стало что-то рассматривать у него на задку.

«Ну уж дудки! Лучше смерд!» – не снёс Бу-Ба и, круто развернувшись, с отчаянием хрястнул Лицо по морде.

Судя по всему, промахнулся и поэтому, утратив баланс, неизящно выстелился.

Как-ни-в-чем-небывалая Голова укоризненно покачалась: – Молодой чиповек. Не будьте суетны! Суета – тщетна.

Вскочив, как обезьяна, воин с боевым кличем «Ых!» изо всех сил дал пинка прямо по мерзко улыбающейся харе.

Нога, не встретив никакого сопротивления, улетела вверх, повергнув её обладателя в ещё более унижительную позицию и вовсе недостойную воина. Тут Бу-Ба почувствовал *бессилие* – самое тошное ощущение, которое можно предложить здоровенному дикарю, готовому если не остаться в живых, так хотя бы предсмердно насладиться видом синяка своего соперника. Окончательно униженный Бу-Ба, чтобы хоть как-то спасти утраченное достоинство, собрался и щедро плю-

нул. Плевок безущербно пролетел насквозь, свергнув воителя в глухую бездну отчаяния.

Голова досадливо опустила руки:

– Я ж вам ясным латинским языком советовал: не будьте тщетны! Тщета раздражает... Вы же видите, что ничего хорошего, так же, как и плохого, из ваших усилий не выходит. Не будьте, пожалуйста, придурком, каким мне вас описали. Я пришёл с миром. Сделать кое-какие замеры и инвентаризировать. Работа такая... А вы прыгаете, суётесь, пинаетесь. Плюётесь, наконец. Не по-божески это. Я понимаю ваши чувства, так сказать, априори... но убеждён, что у вас большое и плодотворное будущее... Рад был познакомиться, всего доброго.

Лицо, со слегка отставшими руками, быстро сместилось в крону сосны, где измерило клюв у рыбного филина, засим помчалось дальше. Филин невинно хлопнул глазами и посмотрел на поверженного Бу-Бу. Воин сделал то же самое и посмотрел на себя. «Какой позор! С какой-то дутой головой не совладал... Работа такая... Ну погоди!.. Экий несуетный попался...»

Свою буйную голову Бу-Ба ранее использовал в основном как тяжёлый тупой предмет в бою или для еды. Теперь же он чувствовал какое-то слабое в ней распираение и знал, что внутри происходит что-то неконтролируемое. У него появились некие навязчивости. Например, он чуял под своей черепной коробкой избыток незнакомых слов, ищущий выхо-

да. Чтобы облегчить орган, он пристрастился «навешивать» слова на всё вокруг. Адам также обнаружил, что слово усиливалось, если к нему прилепить другое. Так аплодаторов он окрестил почему-то «менты поганые». Значения ни одного из этих слов он не знал, но звучало похоже.

Очевидно, Чиповек не считал ворон на уроках Эволюции, ставши поэтому такой скотиной, которая ко всему привыкает.

И были ночи. И были утра. И Трын-трава. И занудные слоны, слоняющиеся попарно: туда-сюда... туда-сюда... туда... У-у-у-у...

Позвоночник Адама (жив ещё, курилка!) из последних сил капал на мозги, слабо обнадёживал: не всё ещё потеряно, ещё будет лучше, что-то должно измениться...

Товарищъ

Спинной был прав.

Одним пригожим ГаллоЕдемским вечерком Адам меланхолично посиживал на безиглом кактусе, расчёсывая спящей иегуаной роскошную гриву жующего свою вечную жвачку льва, и невольно поражался: как это? Такая уйма волос и не одной блохи?! Чудны дела твои, Господи!..

Внезапно в воздухе знакомо тихонько лопнула струна и появился запах какого-то перегара.

«Это что-то новенькое... это не от Создателя...» Первобытный нюх Бу-Бы определенно указывал, что пришелел позди. В таких ловушках воин уже бывал. Поднатужившись, он скакнул с лихим проворотом и выкинул вперед правую руку с торчащим средним пальцем. Лев с испугу выронил жвачку, а возникший наднебесник, сдавалось, зла не умышлял. С приветливой улыбкой он первым взломал неловкую паузу:

– Похвально, похвально, батенька! Звевская геакция! (Гость прикортавливал с буквой «р», но столь незначительное, что в дальнейшем мы это опустим.)

– А палец-то убери. Может, у вас в лесу это принято, а тут воспринимают как обиду... Ай-ай-ай!.. Я, понимаешь, в небольшом загуле был и прозявил всё... А Избранник уже тут и прыгает...

Пришелец был невелик, в меру лысоват, а сквозь лукавый прищур то и дело проскакивали искорки.

– Как зовут тебя, молодец?

– Агдамом... – сказал Адам, с трудом приходя в себя от первых комплиментов в этой жизни. Представители Савваофа обычно начинали обращение с «Эй, ты, придурок...».

– Наипревосходнейшее имя, – пропел Загадочный. Что-то оттопырчиво распирало пространство под хитоном на его груди.

«Уж не бабы ли у них такие? – поёжился Адам. – Ведь было же обещано? Так я ещё ничего хорошего и не сделал, никак себя особенно и не вёл. Не-ет! Какая там баба! У баб борода не растёт, а у этого с рыжиной и подрезана клинышком...»

– Ну те-с! Давайте-ка устроим небольшое кустовое совещание вон в том смородиннике... Знаешь, – доверительно понизил голос Незнакомец, – тут вокруг полно аплодаторов. Не люблю я их. Все они – менты поганые... Они тебя не очень допекают?

– Бывает... – неохотно признался Адам. – Пытался я намедни червячка заморить, а этот пернатый тут как тут. Неположено, дескать. Не ты создал, не тебе и морить.

– Какие мерзавцы! Ты с ними не миндальничай. Ты здесь кто? Будущий Начальник. А они – так себе, рядовые аплодаторы, только и умеют, что эфир крылами возмущать. Чего всем-то кланяться? Гордость надо иметь... Вот у меня её

есть, могу поделиться...

Гость пошарился за пазухой.

«Так вот что его так распирало! Нешто и впрямь поделится?» – подумал Адам.

К его вящему огорчению, гордости он так и не увидел, зато появился на свет сосуд с голубоватой мутью и два гранёных стакана.

– Ты меня, брат, держись, – щедро наливая, увещевал Незнакомец. – Со мной не пропадёшь... Знаешь, Отче Сам употребляет умеренно и не любит, кто больше Него пьёт. Гнида Архипарх опять наклал Ему давеча, что я заперся в запой. Ух, Пархашка! Неведомо ему, что я добр, пока пьян. А ну как протрезвею! И будет ему архискверно! Ну давай... Ух, хороша!.. Бр-р-р!.. Эти малахольные... – угощатель ткнул пальцем в небо, – пьют нектар как есть. Я же изобрёл нектогонный агрегат, дай срок, научу... Кстати, сколько тебе ума положили? Десять процентов? От же, жмудилы! Я бы тебе больше дал.

Тяпнули по второй.

– Послушай, батенька. Я вижу, ты мужик что надо. У меня к тебе деликатное поручение будет, – собутыльник нагнулся к Адамову уху и загадочно прошептал: – конфиденциальное.

– Эти аплодиторы тут совсем распустились – играют в фанты в рабочее время! Погодь: вот тебе одна штуkenция. Ты как увидишь безобразия – стукни в неё. Я и буду знать: ага, есть! Они у меня живо из ГаллоЕдема повылетают. Неза-

менимых нету.

– А вы, товарищ, случаем не Сатанеев будете?

– Буду... А ты почём догадался?

– Создатель вашу поговорку поминал. Я долго над ней думал: очень душевный смысл... А это ничего, что я к вам «товарищ» обратился? Знаете, вы на Товарища похожи.

– Валяй! А у тебя мозги-то верно поставлены. Ну, ещё по одной... Бум!.. Но заруби себе на носу... Ты чего ищешь!.. Ничего?.. Ладно, врубись... Вот я – единственное исключение из пословицы. Не считая, прости Господи, Создателя. Без него вообще ничего быть не может: ни бабочка порхатая, ни слон носатый, ни ты, мой многообещающий... А Искупилова не слушай. Редиска он. Одно слово – программист. За Программу – ни шагу. Только и умеет, что в рот Создателю смотреть да говорить: «Исполнено, Отче...» А таланта в нём ни на грош. Другое дело – я. Я, брат, о тринадцати пядей во лбу и такого Квазиэлетронщика и Психохимика – обыщись, во всём Наднебесье не найти. Без меня у них ничего бы в Программе и не фурычило... Ах, батенька, я такие суперхитрости знаю, и так могу нарегулировать, что никто не поймёт, а все заудивляются.

Смеркалось. Усталое солнце высвечивало в небесах замысловатые фигуры от улетевшей смены аплодиторов. Сатанеев тоже засобирался. Сосуд был щедро оставлен для нового приятеля.

– Эх, Адик, ты сразу мне поглянулся. Держись меня. С

тобой мы весь Мир перевернём, всю Программу на рога поставим! Они у нас ещё попляшут... – новоприятеля тряско рукопожались. – Ну, бывай.

– Бывай, товарищ!

Как и прочие начальники Наднебесья, Сатанеев не нуждался в крыльях. Исчезал через визуальное растворение в эфире.

– Эх, какой хороший Начальник, хоть и с акцентом, – сказал Адам льву. – Хоть и нету у него таких волос, как у тебя, придурка. Другие все указывать нороят, да червяком попрекать, да обзывать обидно. А этот – непростой... Нет, он по-хорошему прост, но с подходом и обхождением. Эй, патлатый, ты нектар креплённый употребляешь? Что, не нравится? Э-эх, выпить не с кем! Скука-а-а-а-а...

И тут он восстал во весь свой первобытный рост. Отверз свой троглодитский рот и, аки лев, прорычал на неведомом языке громopodobное:

– Ба-бу-бы!!!

Так случилось, что вопль несчастного был услышан на небесах. Молитва, если она страстная, искренняя и исходит из правильного органа (сердца), всегда доходит.

Дежурный Архипрохвост принял сообщение (пятизвёздной интенсивности), перевёл на латинский и доставил куда надо. Где надо находилось как раз в приёмной Всевышнего.

Сперва Создатель обрадовался – первая Молитва дошла. Потом озадачился. Согласно Им же заведённому закону,

на дошедшее послание следовало реагировать. С операцией «женщина» Он рассчитывал повременить. По плану, чиповеки – единственные в Хозяйстве, кому предстояло плодиться. Однако не стоило этого допускать, пока не будет завершена Всеобщая Видовая Перепись. Но целых пять звезд!!! Это было слишком. Надо что-то придумывать. Создатель щёлкнул по пипке райконнектора:

– Искупилов, голубчик. Такая вот коллизия, Венец Эволюции засексовал. Не буквально, а так, тоскует сильно. Ваше мнение?

Да, проблема была Искупилову знакома. Эмоционисты выявили, что из всех чувств, подавляемых при галлотрансформации, влечение является наиболее трудным. Де Создатель Сам когда-то «по наущению Сатанеева» велел повысить интенсивность влечения для ускорения эволюционного процесса. У нормальных тварей период размножения был запрограммирован сезонно. Да и не всякий год. С этим бороться было легко. Согнать все циклы в одно время и всех поголовно инъецировать. И никакой энергоперекачки!

А с чиповеками оказалось осложнение: им понравилось сексовать *перманентно!* В основном по этой причине и старались оттянуть их коллекционирование. Хотя, на всякий случай, в лаборатории сварганили мощный Сексолимитрон постоянного действия. Нужды в его установке пока не было. Оказалось, что у Правой Руки Создателя был уже готов развёрнутый план действий. Предлагалось и Адама, и его бу-

душую супругу держать сколько надо под действием Сексо-лимитрона. Смущало лишь одно: радиус действия аппарата был точно по пределам Хозяйства (чтобы ненароком не навредить кому-либо вовне). Это значило, что лимитрон следовало разместить в самом центре ГаллоЕдема, что по требованиям безопасности было за чертой чреватости. А что делать? Всегда чем-либо да рискуешь.

Тут над головой Создателя возникло свечение, как обычно при появлении новых идей.

– А вы, голубчик, замаскируйте аппарат под дерево, хоть под ту же яблоню. А контрольный коннектор суньте в плод куда повыше. Кто у нас в хозяйстве яблоки ест? Верно, что никто. Я полагаю, эта была мудрая Моя мысль – перевести всех на Трын-траву. Благословляю, голубчик. Сатанеева Я поставлю в известность, чтобы вам где-нибудь не перехлестнуться. А придурков как-нибудь запугаем, чтоб боялись к дереву прикоснуться. Аминь... Да, прихватите все материалы к завтрашнему собранию.

ПРОТОКОЛ

(завтрашнего собрания) № 01173912444197

1. Хоровое исполнение гимна «Славься».
2. Разное.

Савваоф: – Ну, ждть больше не будем. Итак, на повестке века один вопрос. «О сотворении самки

вида *Homo Sapiens* для ГаллоЕдема в русле Общей Программы «Голубая планета». Для начала вам надо знать, что Я УЖЕ РЕШИЛ. Бабу со стороны брать не будем. Воспользуемся галлотрофом Избранника. По крайней мере, будем иметь дело со знакомым уже генотипом. Искупилов, голубчик, доложите Собранию.

Искупилов: – Благодарю тебя, Отче... Значит так. Берём нашего придурка, отщипываем кусочек, клонируем копию, через точечный хемосорбтор одновременной коалиценции извлекаем ненужную хромосому. Тело загружаем в трёхпроцентный кипящий азот, нейронную температуру Трансформатора постепенно приближаем к райской, и через день имеем окончательный результат. Но не реанимируем, поскольку, возможно, потребуются коррекции. Дело неизведанное, всякое может получиться.

Савваоф: – Спасибо, голубчик. Вопросы будут?

Архипарх: – Будет ли нужда удерживать Избранника в процессе отщипывания?

Савваоф: – Нет, усypим. Ещё есть вопросы?... А где Сатанеев?

Архипарх: – Известно где, в Кущах. Со вчерашнего.

Савваоф: – Вечно вы ябедничаете... Как бы там ни было, обеспечьте его информацией о необходимости послезавтрашнего присутствия. Невзирая на его многочисленные недостатки, мы должны признать, что Сатанеев – единственный в Отделе, кто всегда имеет собственное мнение и не боится его высказывать.

Истинно говорю вам: Нельзя опереться на аморфную массу; Можно опереться только на то, что оказывает сопротивление. Вот так, *мягкие* вы мои. Привыкайте терпеть его как «Необходимое Зло». Аминь.

(Присутствующие стоя аплодируют)

* * *

С тех пор, как стало известно, что Знание – Сила, у некоторых невсесильных появился соблазн стать сильнее других посредством обладания тайным знанием. Первые в Мироздании секреты появились именно на этой амбициозной почве, и всходы их прямо или косвенно повлияли на течение чиповеческой Истории.

Вплоть до таинственного исчезновения Незабвенной Памяти первопроходцев Мазоха и Тыка Волобуев был хемосорбистом и был создан возглавить хромосомный подподОтдел. Он уже имел ранее опыт работы с чиповеческим материалом, но не любил публично об этом вспоминать.

Орудя однажды мазерным извлекатором, Волобуев по неосторожности обломил кусочек одного из хромосомных иксов испытуемого экземпляра. Образец чиповека мгновенно превратился в небольшого, толстоватого, волосы торчком, глазки монголоидно заужены, как у моржа, а пухлый рот приоткрыт, выглядит неумно. Более всего пугающе поразило экспериментатора то, что волосы подопытного стали

прямо как у него: Волобуев был единственным в Наднебесье, кто носил короткий «ежик» на голове, а от растительности на лице вообще отказался. Хемосорбист долго тарасил свои белесые, близко поставленные глазки в мелкоскоп, тщаьсь восстановить хромосому. Увы, обломок не прирастал.

О таком результате Волобуев никому не сказал, чтоб никто не упрекнул его в преступной халатности, поскольку доктор был весьма щепетилен в отношении к своей хемнаучной репутации. Экземпляр был упрятан в холодильный сейф.

Позднее пытливому учёному удалось нелегально (спасибо Сатанееву, помог связями) заполучить ещё несколько разнопольных экземпляров *Homo Sapiens*.

Пообломав им всем соответствующие хромосомы, Волобуев долго не мог прийти в себя. Он вывел из сейфа свой «первый блин». И сравнил. И потрясся: во всех случаях результат получился один и тот же. И все как близнецы. И рты раскрыты...

Вот какой важный хвостик-то у той хромосомины! Ить получается, что мы тут имеем сущность чиповеческую, так сказать, её генетическую базу. А вот этот ничтожный хвостик и делает чиповеков индивидуумами!! Это же Открытие!!! Душа Волобуева затрепетала и потребовала нектару. Быстро загнав всех в холодильник, он достал оттуда заветный сосуд Дюара с пузырящимся от холода нектаром и с райским наслаждением тьянул. Тщеславие его, подогретое напитком, погнало мысли в будущее. Этот ж как здорово! Та-

кое открытие! Именем назовут... Как же это будет со мной? «Хромосомный облом Волобуева»... Нет, не так! «Синдром Волобуева»... Опять не то... Чёрт, может, в имени дело?.. Что ещё?.. Попробуем другое: «Бацилла Волобуева», «Клизмотрон Волобуева», Господи! Всё с моим именем звучит из рук вон хреново!

Волобуев нервно доосушил Дюара и, хряпнув от досады невинный сосуд об угол, решил: никаких имен, никаких открытий, пусть кто-нибудь другой, Даун какой-нибудь, открывает и называется. Вот он, Волобуев, потом над ним посмеется... Хе-хе.

– Бледный взор эскулапа внезапно стал исполняться суровой решимости. Наконец он резко подошёл к холодильнику и медленно, но верно повернул пипку на режим безотчётного деструктурирования.

Небосмотр

Явлению Волобуева Адам не удивился, поскольку оно ожидалось через информированные источники. Материализовавшийся противно потер сухонькие ручки и промурлыкал:

– Ну те-с, как мы себя чувствуем?

Адам машинально оглянулся, гадая, кого тот ещё имеет в виду? Не найдя, он про себя окрестил Волобуева «Дохтуром».

– Так-так... Ну ка-с посмотрим... – руки дохтура профессионально засустились. – Угу... Угу... Вот и метка моя...

«Какой же это осмотр? Это ощуп сплошной. Может, он и не дохтур вообще, а Щупач поганый?..»

– Ой!.. Полегче ты!.. Убери иголку! Я сказал, убери иглу!

– Всё, всё, всё, дражайший.

– Ну что насмотрел?

– Хорошо насмотрел! Замечательно насмотрел! – Дохтур снова потер ручонки. – В общем, так. Будем оперировать. Я сомневаюсь, что вам ранее доводилось принимать участие в процедурах. Ну да это ерунда! Вы ничего-ничегошеньки и не почувствуете. ГаллоЕдемская Всеобщая Анастезия туда не достаёт. Но у нас своей, хоть заколись. А оборудование – закачаешься, а холодильники – окочу... и ничуточки-ничуточки... Мне много не надо, чуточку-ничуточку... Хе-хе.

Откуда взять – по сути медицинского значения не имеет. Но поскольку создаем женщину... Хе-хе, я думаю, лучше из-под седьмого ребра, к сердцу, так сказать, поближе-с. Наш лоофобный хемосорбтор... Да, что я вам голову забиваю, она и так, наверное, изрядно забита... Кстати, откуда этот шрам на макушке?

– Да это пещерный лев. Я ему ка-ак...

– Понятно. Опустим подробности. В общем, так: с вечера Трын-траву не есть и клизмочку... Живой водичкой... Угу? Если сами не справитесь, попросите любого дежурного аплодатора, они обучены-с... А завтра в семь сорок будьте готовы...

– Всегда готов! – отчеканил Адам, вместо сухонькой ручки пожав уже пустоту.

Так и отвёл руку свою ко лбу, почесал его и подумал: «Завтра, завтра, не сегодня... Эх, скорей бы утро...»

Наутро, в точно назначенное время, два дюжих аплодатора (те же, что когда-то пленили Бу-Бу) изящно спланировали в ГаллоЕдемский сад по обе стороны от искрящегося гейзера и встали, скрестив руки на груди.

– Собирайся! – процедил один и сплюнул.

«Ух ты! – оживился Адам. – Впервой придурком не обложили! Значит, прав был Сатанеев, что я – важная персона. Нужен я им, вот что!»

– А чё мне собираться? Голому одеться... Не, чуваки! Я в натуре. Это вы не ясно, зачем хламиды таскаете. Тяжко

небось? А?.. слабо в натуре-то? А?

– Разговорчики! – сплюнул второй. – Униформа у нас. Так положено.

– Ага... Навешано!.. В общем, так, кореша. Лечу с условием. Чтоб вы не сзади как конвой, а спереди, как эскорт. Поняли?

– А ты нас на понял не бери. Лететь будешь, как в прошлый раз – посередь. Шаг вперёд, шаг назад – амба! Провалился. А нам за тебя, придурка, отвечать.

– Голуби, ну зачем придурка-то?

– Замётано, летим...

Хоть и твердил Дохтур своё «ничегошеньки», в душе Адама лёгкий мандраж сочетался с настроением «званого гостя», которое по прибытии как-то остыло, а мандраж, напротив, усилился.

Никто у входа в Октаэдр не встречал, а дальше и вовсе уж было невежливо. Конвоиры сгнули. И, скажите, как бы вы себя чувствовали, идя по коридору, который существует только на два шага вперед и также исчезает позади? Никакой видимой перспективы!

Наконец чёртов коридор кончился, и Адам обнаружил себя в центре освещённого круга, где стояло нечто, вроде поставленной на попа прозрачной домовины, вокруг которой суетился Волобуев.

– Здорово, Дох!

– А? Это вы меня так? Здра-ав-стуй-те, – пропел Дох-

тур, прилаживая к домовине какие-то ленточки. – Прум-бурум-бурум... м... Готово! Сюда, сюда пожалуйста, в эту уютную кабиночку... так-с...

Тут Волобуев поощрительно поддал замешкавшемуся пациенту под зад и артистическим жестом захлопнул дверцу.

«Вот тебе и здрасьте!» – Адам не ожидал такого коварства. Звуки сюда почти не долетали, зато видимость была отличная. Судя по губам, Дохтур сказал: «Разрешите приступить?» И, как отдаленный гром, послышалось: «Благословляю».

Слоистый туман розового цвета пополз откуда-то снизу, заполняя домовину. Он был бесплотен, тем не менее всё равно казалось, что щекотно... Когда слои перевалили за ключицы, Адам заволновался:

– Так говорили ж, с ребра! Мы так не догова... а... а... о... до... дохтур... А что ты здесь делаешь?

– Постооперационный осмотр, – довольно отчитался Волобуев и опять пощупал лоб лежащего. – Всё в порядке, дражайший, можете встать.

Такое было ощущение, что туман ещё слегка оставался в голове. Адам придирчиво оглядел бока, пошарил подмышками...

– А где следы изъятия-то?

– Шутить изволите-с? Какие у нас рубцы?.. Мы следов не оставляем... Кстати... Мда! Иногда оставляем для дела. Поворотитесь-ка, дайте я крестик сотру.

И он мазнул ваткой по адамовой ягодице. На ватке и впрямь отпечатался светящийся крестик. Предупреждая вопрос, пояснил:

– Это я на вас крест поставил за день до того, как вам появиться в Галло-Едеме. Выбрал вас из кучи дрыхнувших троглодитов и пометил для аплодиторов.

«Так вот кому я обязан всей этой чехардой! Ну, док, припомню я тебе...» – процедил Адам. В голове обреталась былая ясность.

– Ну вот, теперь и креста нет. Оставили бы хоть шрамчик. На память. Жене показывать, да напоминать ей о её месте.

– Обойдётся, милейший. Впрочем, могу вон аплодитора попросить. Он вам фингал поставит, они обучены...

От фингала Адам почему-то отказался. А Дохтур нравился ему всё меньше и меньше.

– Дерьмово у вас тут. Я думал: Отче повидаю, Сатанеева, пожрать дадут, поднесут чего... На кой ляд весь этот цирк?

– Вижу, вы по дому соскучились, – Волобуев щелкнул пальцами, подзывая крылатых санитаров. – Будьте здоровы, не кашляйте...

* * *

В Трансформаторной стоял мерцающий полумрак и слабый гул пчелиного улья. Сканеры сделали свою светлую работу, и Создатель лениво переводил взгляд с одного галло-

экрана на другой, где две трёхмерные фигуры, ставшие до неприятного прозрачными, вращались в пульсирующих лучах. Искупилов рассматривал свои голубые ногти и о чём-то думал. Сатанеев дрожал коленкой и что-то соображал. Создатель всеведающе понимал эмоции своих «Правой» и «Левой» рук и думал, что лучше стоять на двух ногах (руках), чем на одной. С этой мыслью Он и очнулся к бытию.

– Подзащитные на месте?

– А куда им деться, Отче?

– Яблоня?

– В ажуре, Господи.

– Ну что ж, тогда с Богом!

– Поехали! – задорно поддержал Искупилов, трахнув по красной пипке.

Ничего не сказал Сатанеев, но коленка напряженно затихла.

Процесс пошел.

Ах, как бы поразовался один австрийский психоаналитик из далёкого адамова потомства воочию узреть, как буйная любострастная энергия его праотца (на мониторе означенная белыми точками с хвостиками) враз переориентировалась и быстро потекла в другие области туловища тела его могучего организма, завоёвывая всё новые и новые рубежи и концентрируясь в голове и глотке. Он весь как-то выпрямился и, в то же время огруз, сразу став похожим на Начальника.

С женщиной было иначе. Её парные органы медленно рас-

творились, в голову прийти было нечему, и вся она стала как – бы нейтральной, как режим Stand by.

– Отлично, – хлопнул в ладоши Создатель, и все присутствующие стали приветствовать Его долгими продолжительными аплодисментами.

Отщипенка

То, что в торжественной обстановке успешно завершилось в Трансформаторной, было просто галлограммной демонстрацией для посвящённых. Реальное же Таинство перераспределения структурных ресурсов происходило в бездыханных телах Мужчины и Женщины, лежащих вальетом на центральной лужайке Галло-Едема прямо под вновь посаженной Яблоней.

Странная это была Яблоня. Все прочие деревья цвели (не по сезону, а по расписанию), а это было обвешано плодами, причём ни одного червивого, что свидетельствовало о полной их несъедобности.

Этим утром одна сумасшедшая кукушка свила на новом дереве гнездо. Нормальные птицы при переселении в Галло-Едем лишались инстинкта гнездостроительства. Исключением была кукушка. Широко известно, что в Природе эти птицы гнёзд не выют, а коварно кладут яйца в чужие. Забавным оказалось то, что при нейтрализации инстинктов в кукушке произошёл зеркальный переворот. Она стала единственной в Саду птицей, которая строила гнезда как сумасшедшая, и бескорыстно и безрезультатно предлагала их другим птицам. Чудны дела Твои, Господи!

Итак, тем утром та чокнутая кукушка свила на той Яблоне гнездо, но в полдень бросила его, потому как в один момент

все листья вздрогнули и приподнялись.

Адам проснулся от жажды. Это была жажда деятельности. Поле деятельности было большим, зелёным и стрекотало. По нему, собирая цветы, гуляла длинноволосая женщина с веснушками на курносом носике. Порою она томно наклонялась за очередным растением, жеманно нюхала, деликатно брала их в рот, очаровательно задумывалась, затем изящно выплевывала.

Что-то во всём этом было не так.

Раньше Бу-Ба, увидев женщину... одну... в поле... знал, что делать. А теперь – нет. Женщина была хороша, но *что* в ней было хорошего, Адам определить не мог... «Надо подойти поближе, – сообразил он, – там виднее будет...»

– Ой... живой! Слава Богу! А я уж думала – дождь будет.

Покойник всегда к дождю...

– Слушай... э... Ты здорово смахиваешь на Ку-Ку. Младшую дочку нашего вождя. Ты, это... того... не Ку-Ку?

– Сам ты Ку-Ку!

– Вот-вот... Она всегда так отвечала. По полному-то тебя Ку-ку-Маара зовут... Верно?

– Скверно! Ни на кого я ничего не смахиваю. Отвяжись!

– Хе... Так мы с тобой, выходит... вроде, как сестры... братья... Тьфу!.. родня... кисельная. Мне мать говорила: ешь тигрятинку, будешь большой, как Вождь, твой батька. Могучий у нас руководитель был. Тыр-Пыром звали. Да почитай всё племя-то были его дети. Жаль, отравился он му-

хоморами. Смотри, у тебя и родинка на шее – ну в аккурат как у меня!

– Тебе что, делать нечего? Не знаю я отца своего. Сироти-нушка я, понял? Чувствую я, что Великий Некто вдохнул в меня жизнь, – она со значением выплюнула очередную хризантему.

– А цветы дезодорантом пахнут... – сморщила носик, вздохнула. – Что делать-то будем?

Адам всё ещё пребывал в рассеянности. Раньше он точно знал, что делать с женщинами, но сейчас же ничего, убей Бог, на ум не приходило.

Выручил его из неловкости, как всегда, случай и опыт. Услыхав звук тонко лопнувшей струны, он борзо вытянул палец и сказал: «Смотри, несчастная!»

Место появления Всевышнего Адам, разумеется, не угадал. Поэтому палец пришлось спрятать.

Создатель сидел на Алмазном шаре, подперев в задумчивости раздвоившуюся бороду. Адам самонадеянно ожидал шокирующего эффекта на своё пророчество, но удивиться пришлось самому.

Женщина подошла к Явившемуся, уронив цветы, преклонила колени и прошептала:

– Здравствуй, Отче.

– Здравствуй и ты, дочь Моя.

– Открой мне имя моё.

– Ты будешь называться Женою, ибо взята от Бу-Бы... э...

э... от Мужа. Надеюсь, ты не будешь путаться в этих именах, как Адам?

– Не спутаюсь, Отче... А Бу-Ба, это кто?

Создатель понял, что с оговорками слегка лишканул. Он встал, взял Бу-Бу за руку и значительно прорёк:

– Се Адам – Муж твой. Поняла?

– Поняла, Отче. А где у вас тут туалет?

– Святая невинность! – умилился Всечистый. – Вон, спроси у того дяди с крыльями, он покажет.

И воспользовавшись временным женским отсутствием, продолжал назидать Адама:

– Теперь ты – МУЖ. И Ответственность имеешь. Образование у вас примерно одинаковое, а вот опыта жизни у неё нету, только смутные ощущения из твоей прошлой дурацкой жизни. Поэтому она более полагается на чутьё своё да суеверия и поговорки. Твоё наследство, тебе и расхлебывать...

Женщина вернулась до неприличия довольная.

– Я вот только забыла его спросить: а пипка на бачке зачем?

– Святая простота! – растроганно всплеснул руками Отче, и уже серьёзно добавил:

– Обо всем испрашивай этого Мужа. Он тебе – Учитель и Благодетель и Судия, потому как ты жизни не ведала и Сама Простота.

Создатель сосредоточился и зачем-то подтянул пояс:

– А теперь главное... Вас оставляю здесь в хозяевах, вла-

дейте с разумом. Ешьте из всякого дерева, ото всякого плода. Но упаси вас Бог притронуться к Яблоне Познания Доброго и Недоброго. Знание – Яд!

...Многая Мудрость множит Печали. Ведайте, что Разум вам дан на то, чтобы знали свой лимит. Без него вы – ничто, тьфу! Бзик и смерд кромешный. Прах пархатый. Дермо собачье. Чмо болотное. Контра недобитая. Цырлы немаланые. Козлы вонючие. Век свободы не видать! – выдохнул Всенеистовый и поглядел: какое впечатление на подзащитных произвёл его Зарок.

Подзащитные, разинув рты, стояли на цырлах. Никто им до сих пор столько страшных слов не наговаривал.

Отче перевёл Дух. Выдержал солидную паузу и, распустив пояс, уже спокойно продолжил:

– Закройте, рты, придурки, и внемлите. Я покажу вам Альтернативу, – подзащитные задрожали. – Светлую, – уточнил Отче. Дрожь прекратилась.

– В вашей Системе ГаллоЕдем – это лучшее из всего, что может быть. Условия, как видите, райские. Тёплый сортир, калорийная пища, что ещё лучшего можно вожделеть?! Усекаете?..

– Усекаем, Добродетель.

– Усекаем, – поддакнула Жена. – А насчёт «ещё» – значит так: электрическую овощерезку, сокодавку, машинку для стрижки газонов и бидэ... Всё пока.

– О женщины, вам имя – Потребление, – простонал Все-

объемлющий. – Так и быть, составьте список, передайте через Архипарха... Ну... отдохайте, осваивайтесь. Седьмица грядёт. Отдых – свят. А теперь, – Создатель зевнул со вкусом, – становитесь на Благословение.

Этого можно было не говорить, потому что Адам и Женщина давно не вставали с колен.

Потянувшись, Всеблагостный простёр длани над брачующимися, сделал глубокий вдох и... отпустив им в лоб по шелобану, со словом «Аминь» растворился под жидкие аплодисменты вездесущих аплодиторов.

Торжественный момент Женщина восприняла с трепетом, а Адам – с недоумением: откуда Шаману их племени были известны все тонкости Наднебесного свадебного обряда?

И при луне не было Адаму покоя.

Уставившись бессонными глазами на спящую Жену, он напрягался: «Откуда это?.. Если спросить иначе: откуда Всеведающий знает ритуалы племени Зум-Зум?»

Бу-Бу давно терзало одно навязчивое сомнение. Суровый Создатель с первой встречи показался ему отцом родным. Что-то в образе Его было подобно Тыр-Пыру. Только что-то со лбом не то, да и косточка, означавшая, что её носитель породил более пятисот потомков, – в отсутствиях. Ежели оволошенности прибавить, да взгляд выправить – чисто Тыр-Пыр, как есть.

– Нет, так мне не заснуть, – пробормотал Бу-Ба, поднима-

ясь. Он заботливо прикрыл Жену лопухом, вышел на скалистый утес на берегу Центрального источника, встал на колени, воздел руки и спросил у Вселенского молчания:

– Ты ли это, Батя?

В это мгновение яркая падучая звезда косо перечеркнула небосвод. И никто теперь не убедит Адама, что в установившейся тьме он не уловил еле слышное:

– Я, сынку!..

Наступившее утро застало Адама за работой. Первым делом он проявил изобретательность, сооружая Памятную Доску возле Заповеданной Яблони. Для этого пришлось кое-что отодрать от одной штуковины. «Никакого снабжения!» – ворчал творец, с трудом прилаживая платиновый кол к серебряному щиту. К полудню с грехом пополам установленная доска выглядела так:

MALUM COGNITIO

Памятник Эволюции.

Охраняется Законом Божьим.

Руками не трогать!

Далее следовал список страшных кар.

Жена, ставшая *первым* свидетелем *первого* латинского наименования и *первым* ценителем искусства наглядной агитации, заявила:

– Очень соблазнительное объявление. Так и хочется взять

и попробовать... Без него лучше было. Ландшафт нарушает...

На что непризнанный мастер наглядного жанра сказал лишь:

– А ты, дура ненабитая, молчи... Что б ты понимала...

Женщина имела *талант* держать мужа в режиме перманентной занятости. Он начал было переписывать птиц для Красной книги Поименований, и у него даже появилась первая запись:

Ectopistes migratorius (странствующий голубь).

Но тут подкатилась Жена и мягко, но настойчиво стала излагать, видимо, заранее заготовленные аргументы в пользу необходимости постройки шалаша. Адам вполне комфортно обходился без всякой архитектуры. Трын-трава была его постелью, а звёздное небо – одеялом. Однако супруга была настойчива.

Последним добивающим аргументом оказался тот, что она полагала, что Адам – Первый и ни с кем несравнимый в Мире архитектор. И его замечательная Доска возле Заповеданной Яблони навеки войдёт в историю Достижений Изящных Искусств и Гражданской Архитектуры Поднебесья.

Красная книга осталась открытой на первой странице...

Воскресный день супруги провели в праздности. Адам с утра пил нектар и считал ворон. Насчитал все обе, но не был уверен по причине принятия. Жена сперва развлекала себя плетением из трав, соскучившись, обнаружила мужа за пи-

тейным развлечением. Приобщившись, по неопытности сделалась нетрезвой и танцевала при луне на слоне в голом виде.

Назначенец

Создатель редко появлялся один. Обычно в свите с Искупиловым и Архипархом. Иногда был и Сатанеев.

Тем тяжёлым утром понедельника Адам с Женою без энтузиазма смотрели на белый свет, тем паче им было трудно смотреть на Всесиятельного. Адамов головной убор удачно растворял в своей тени глубокие тени под глазами своего обладателя.

– Сними шляпу, придурок! Чай тут дождей не бывает, и Светило не лютует. Перед Господом стоишь, прохвост!.. Вижу, что делать тебе нечего. Вот и изводишь райские травы на всякие нелепости.

– Да не я плету, Жена, вон, развлекается.

– Ничего подобного, – заклохотала упомянутая. – Я её нашла, в Деструктураторе.

– Прекратить склоку! – Создатель сделал примирительный жест. – Мы тут посовещались и решили: хватит вам тут дурачков на пару валять. Надо, как планировалось, использовать вас в мирных целях. Будете тварей в Хозяйстве считать с одновременным Поименованием. Как у тебя с граматешкой-то?

– В какой системе считать? В дюжинах или десятками? – обидчиво спросил Адам.

Создатель свирепо глянул по сторонам.

– Кто наделил его двенадцатичной Программой? Я ж говорил, только десятичную!

– Дрешен, Отче, – голос исходил от Искупилова. – Я подумал (переходя на телепатический код), им следует смешать системы с тем, чтобы Время оставить в двудюжинном варианте, дабы затруднить их возможный выход на понятие Это опасно, высшие ведь энергии замешаны. А перепрограммировать никогда не поздно.

Вслух же сказал только:

– Прости, Господи, дерзость неразумного.

– Ладно, голубчик, с кем не случается... Адам, считай десятками. Чтобы потом не переписывать. А вот скажи Мне, какие матымахтические действия предпочитаешь?

– Слажать и умножить.

– Ладненько. Вот с завтрашнего утра и займись.

– «Слагать и умножать» – невольно поправил Савваоф, глядя на удаляющихся Адама и Жену, – это по-Божески. Есть в нём хозяйственная жилка. Таким Я его и замышлял...

– А заметил ли, Всеприметный, – встрял Сатанеев, – что если слово «умножить» разделить на два... и...

– Сатанеев! Опять вы за свои штучки! То-то я смотрю, Адам начал слова коверкать. Я ж запретил все азартные игры в отделе! Игру Слов, игру Букв, и игру Цифр. Прекратите науськивать подзащитного на досужее творчество. Ох, нейдет вам, ох, нейдется!.. И что это за слово «слажать»? Не допущу грамматического произволу!

– Так ему ж миллион имен предстоит измыслить. Как же без словесной тренировки-то?

– Делайте, что хотите. Но за результат спрошу строго. Вы меня знаете. Аминь.

* * *

– Отче, не вели казнить, вели молвить...

– Молви, не казню.

Диалог шел между (сами знаете) и Архипархом эскадрильи аплодиторов.

– Эти придурки перевернули все вверх ногами. Превратили ГаллоЕдем в БАРДАК, а жизнь аплодиторов в АД. И ну нету от них спасу, и негде от них схорониться.

– Да ты толком докладай, чего там накуролесили?

– Помнишь, Отче, их первый скромный шалаш? Ныне уже семь комнат с сенями, Сауна на берегу источника Четырёх Вод... Плюхаются оттуда краснорожие да бесстыжие. Лес воруют, оборудование растаскивают, накладные подделывают, Грамотные!.. Требуют дополнительных фондов, а сами ещё за прошлое столетие по Красной книге не отчитались.

Перевел дух, продолжил:

– Разлагают персонал Хозяйства. Сатанеев, злыдень, обучил его перегонному секрету. Аплодиторы теперь вместо несения службы носят доски, а потом летают зигзагами.

– Благодарю за службу. Лети отдыхать. Я с этими прохво-

стами разберусь; приведу беззаконников к положенному *ли-*
миту.

Лимита

– Ну-с, и долго так нарушать будем? – грозно вопрошал Создатель.

Троица законоинспекторов во главе с Ним восседала на хрустальных шарах.

– Обижаешь, Отче. А чё я такого сделал? – промямлил Адам, пряча руки за спину.

– Отставить уголовные манеры!.. Чай, не на параше! Вот выгоню вас отсюда, потом будете плакать, локти кусать – как благостно здесь было... Опять правонарушаете?

– Па-а-звольте, я ведь весь Кодекс наизусть знаю. И там, где основоположен тезис о том, что все разрешено, что не запрещено... А также поправку к подпункту 114 от Сатанева...

– Хватит-хватит, – не выдержал высокий Запретодатель. – Ох, предвижу Я, будет у нас мороки с людскими законами... Много о себе воображаешь! А сам все равно придурок. Всё-то тебе надо разжевывать... Искупилов, голубчик, не затруднитесь добавить в Кодекс Запретов следующее...

– Что, опять? – взвыл Адам. – Ну, блин, парламент!..

– Помолчи, – прошипела супруга, дернув его за галстук. – Хуже будет!

Господь выразительно глянул поверх (*откуда взялись?*) круглых очков, повёл головой в сторону и начал:

– Из эфиратора хромовых пластинок не выдирать.

Ножиков из них (пластинок) не делать.

Имя Адам (и прочие другие) на деревьях не вырезать.

Жилплощадь ограничить пятьюдесятью квадратными размахами на душу (без сеней), а этажность ограничить двумя.

Никогда не использовать помпу для живой воды в перергонных целях.

Отменить незаконно взятые Адамом на себя ветеранские Привилегии.

Женщине запретить плести всё, кроме Ерунды.

Отпуск нектара ограничить одним кувшином в одни руки (лапы, хвосты, крылья) в земную неделю.

Он облегчённо вздохнул:

– Ну вроде всё пока. К исполнению. Придурок, вынь руки из-за спины и распишись... Вот так-то... Аминь. Эй, мадам, извольте присовокупить и вашу...

* * *

– Архипарха эскадрильи.

– Здесь, Отче.

– Что за ЧП с теплоконтролем в Хозяйстве?

– Помилосердствуй, Отче. Не успеваем мы разобраться со старыми запретами, а каждый день новые прибывают. А всех надо проинструктировать. По полдня проводим в изу-

чениях. У рядового состава крылья потеют, летают кое-как. Четыре тома освоили, где уж там за придурками следить.

– А что они на сей раз набедокурили?

– Разобрали кольцевой термостат, чтобы птиц для учёта кольцевать. А что я могу поделывать? В Кодексе не означено.

– Ох, сниму Я с них проценты! Ладно, изучайте, – над головой Создателя посветлело, – надо бы всю технологию перемоделировать на естественный вид. Пусть компьютеры пеньками прикидываются. Перешлите эту идею Сатанееву. А сейчас пойдите. Лично найдите придурков, посмотрите, что они делают и скажите, чтобы немедленно прекратили. Аминь.

* * *

– Архипарха эскадрильи.

– Здесь, Отче.

– Как там Сексолимитрон, функционирует? Не замечали ли просексовывания?

– Работает, слава Богу. Из-за Адама приходится держать в режиме перегрева, но дюжит. Придурки так и не ведают: зачем что на них навешано. Было раз, дневальный доносил: женщина от скуки сделала себе ожерелье и смотрелась в лужу. Я попросил Сатанеева чуток подрегулировать, теперь всё в ажуре. А лужу убрали от дреха.

– Правильно сделали. А чем она вообще занимается?

– А что ей? Ходит за Адамом и хвалит, какой он разумный да придумчивый. Любопытна... Задаёт уйму вопросов. Рядовые аплодитеры, по Твоему приказу, исполняют роль слепоглухонемых. Пыталась проявлять инициативу, но после неоднократных от мужа: «дура ты, баба!», сменила тактику на намёковую с подсовыванием своих идей под Адамовы и неизменной похвалой его за «башковитость».

– Ну что ж, так и должно быть, естественно, хотя и безобразно... Бди. Аминь.

Дрехопадение

Долго ли, коротко ли все эти события вершились – никто не знает, ибо нет ничего более изменчивого, чем Время. Даже металлические часы при нагреве идут быстрее. Что уж говорить о биологических?

Время имеет объём и, будучи незаполнено, иногда пропадает. Такое Время называют убитым и о нём обычно пишут на последней странице газеты.

Вы опять насторожились насчёт Временного Шока? Читатель всегда прав! Будь готов проглотить триста лет. Поскольку если я возьмусь включить в повествование Красную книгу, ты заскучаешь, а если стану описывать юридическую борьбу перволюдей за чиповеческие условия жизни, то ты сочтешь меня занудой и в обоих случаях захлопнешь книжку.

Теперь мы подобрались к поворотному пункту Истории, определившему её настоящее и будущее. Прошлое – мертво. Даже для Вечных. А грядущее – лишь шанс для исправления ошибок прошлого.

Подобно самому Сотворению, все Великие события начинаются с пустяков. Особенно если они хорошо подготовлены искушёнными в совпадениях случайностей реки Свершений.

Есть у литераторов такая традиция: начинать главы с ин-

трижнего намёка. К примеру, так: «Солнце светило ярко и ничто не предвещало грозы». Сознаться, внутренне вы как-то поджались! Не бойтесь, я так не напишу. Итак... В тот прекрасный первоапрельский день...

...Светило ласкало внутренности ГаллоЕдема, и в этом не было ничего особенного. Солидный заправляющий Образцового Хозяйства, Адам, и его пышная секретарша сидели в тени яблочного Заповеданного дерева и заканчивали Видовую ведомость. Время шло к обеду, и желудки трудящихся напоминали о себе угрожающим ворчанием.

В тот момент на рыжую голову секретарши упало Яблоко необыкновенного размера и с многообещающим ароматом. «Осень наступает», – подумала она, а вслух громко ойкнула. «Впрочем, какая осень тут может быть?.. Один вечный сезон», – резонно размыслила женщина и взглянула наверх, где в зелени ветвей разглядела нахально отдыхающего Змея. Пресмыкающееся было толстым, тоже зелёным и с большой головой. Секретарше показалось, что он ей гнусно подмигнул.

– Что там? – спросил Адам.

– Да, вот, гаденыш заполз на Заповеданное и бросается, и ещё языком дразнится...

– Непорядок, сейчас сниму.

– Ты осторожней, может он того... кусается?..

– Пустое, в ГаллоЕдеме ядовитых не бывает. Ты лучше Ведомость по пресмыкашкам проверь. Что-то мне этот гад

не нравится, не помню я его!..

Аспид, не дожидаясь произвола, мягко соскользнул в траву, и Адам не очень удивился, уловив слабый аромат перегара, потому как где-то на этикетке у дохтура видел змею, пьющую из рюмки. Змеюка свернулся «фигушкой» и со слабым пришепетыванием проворчал:

– Для них же, дураков, стараешься... а они – гадом назовут... Вот она, неблагодарность от необразованности.

– Ой, он и по-латыни умеет, – ошарашилась секретарша, потирая здоровенную шишку.

Змей возмущенно изогнулся:

– Ох, темнота! Да я ещё и не то могу. А все потому, что Яблочками не брезгую. Да ты не три шишку-то, а лучше Яблочко приложи. Вот видишь, сразу и полегчало. Дремучие вы. Сами же видите, ничего страшного во фрукте нету. Польза одна. Чего на него глядеть-то?..

Тут Адам опомнился, что он здесь Начальник, поэтому забыв про вежливость, выразился так:

– Это ты на что, паразит, намекаешь? Пойти на прямое нарушение Отчего приказа? Да я... – Адам аж задохнулся от праведного гнева, тыча перстом в сторону наглядной агитации.

– Да ты не горячись, – остудила его Жена. – Смотри, шишка-то совсем прошла... Хорошее Яблочко, а пахнет-то... не то, что иные... чай, не дезодорантом.

– Молчи, прельщенная! Создатель сказал, лимиты сни-

мет. Что мы без лимитов-то? Амба, цырлы немазанные, хоть в гроб ложись! Вон, Доска-то – прочти, освежись!

– А на вкус-то, наверное... А... что с тобой говорить!.. Три века безупречной службы. А где она, награда-то? Ты лучше послушай, что Змей толкует...

– Вот я и говорю, – подхватил Зелёный. – Дались вам эти лимиты?!

– Отче сказал, что иначе мы узнаем все ужасы Добра и Зла.

– Сказа-а-л, – заерзал гад. – Ох, легко же вас, неучей, дурить! Сидите тут на всем готовеньком и ничегошеньки не знаете. А в дереве всего-то и заповедано, что *чувство Юмора*. Создатель боится, как бы вы ни начали смотреть *критично*. Да ни начали бы смеяться. Зело он Серьёзен... до Смешного.

Женщина шумно облизнулась.

– А я знаю, – томно сказала она. – Добро – это всё, что вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.